

КОРЧМА.

Историческій очеркъ.

Исторія корчмы—это исторія ополяченія, онѣмеченія, отатаренія, словомъ всего, чего хотите, только не развитія славянской жизни изъ славянскихъ началъ.

Одинъ изъ главныхъ признаковъ сложившейся народной жизни—это слѣды социальнаго ея устройства, которое проявляется въ организациіи городскихъ общинъ (гильды—братчины, цехи—артели) и въ заведеніи питейныхъ домовъ. *Общественныя питейныя заведенія* дѣлаются извѣстными на западѣ со времени Карла Великаго. Здѣсь сходятся всѣ, и свѣтскіе, и духовные, и въ капитуляріяхъ Карла Великаго и его пріемниковъ не разъ повторяются предостереженія благоразумной администраціи, *ut monachi et clerici tabernas non ingrediantur edendi vel bibendi causa* ⁽¹⁾. Съ тѣхъ поръ эти питейные дома живутъ и развиваются, вмѣстѣ съ остальной жизнью Европы, вплоть до настоящей минуты (Delvau, *Cafés et cabarets de Paris*. Paris. 1862). Древне-славянскія общественныя заведенія, куда народъ собирался для вершенія общественныхъ дѣлъ, для бесѣдъ и попоекъ, назывались *корчмами*. Корчма—вмѣсто кормча (Микуц. Отч. по II отд. А. Н. Отч. 6-й, 25), отъ серб. *крма*, церк.-сл. *крѣма*—пища, русс. *кормъ*, откуда серб. *крмача*, родит. *крмачѣ*—sau). Отъ Славянъ корчма перешла къ Эстамъ: *Korts*, *Kortsmit*, и къ Финнамъ. Корчмы слѣдовательно были питейными и съѣстными домами. Здѣсь, въ корчмахъ, приставы передавали народу постановленія правительства; здѣсь судились и разбира-

лись возникавшіе между пріѣзжими и гостями споры, и корчмы долго замѣняли позднѣйшія ратуши, и были гостинными дворами (Погод. Сборн. IV, 225). Начиная съ XI вѣка, мы встрѣчаемъ корчмы: на Руси кievской, у новгородскихъ Славянъ, у Болгаръ, Сербовъ, въ Чехахъ (*Mater Verborum*), въ Польшѣ, въ Жмуди (Устава земли Жомойтское), и у Славянъ прибалтійскихъ. Въ Сербіи, какъ и вездѣ, продажа напитковъ вольная. Душанъ (1336—1355), подтверждая Дубровницкимъ купцамъ свободную продажу питей, говоритъ: „и крѣмъ да носе“ (Майк. И. Серб. Яз. 90). Въ послѣдствіи, именно въ наше время, подѣ влияніемъ нѣмецчины, корчма у Сербовъ исчезаетъ (Вук. Кар. Срп. рјечи. 309), но остается еще у Болгаръ, гдѣ она сохраняетъ свое старинное народное значеніе, и отличается отъ *механы* (гостинница, городской трактиръ, питейный домъ), заимствованной отъ Венгровъ или отъ Турокъ. Южно-славянская *крѣмарѣца*, *крѣчмарка* (корчмарка) — это не теперешняя великорусская цѣловальничиха, а, напротивъ, одинъ изъ лучшихъ членовъ сельскаго міра. Въ пѣсняхъ южныхъ Славянъ, корчмарка постоянно является лучшимъ другомъ народныхъ героев. У каждого изъ нихъ есть своя посестрима—корчмарѣца, которая ухаживаетъ за своимъ милымъ, спасаетъ его отъ гибели. Въ корчмахъ проводитъ время за виномъ знаменитый герой южно-славянскаго эпоса, Кралевиць Марко:

Віно пиє Кралевице Марко,
Віно пиє у'ладна ме'ана ²⁾.

Такъ начинаются почти всѣ пѣсни о Маркѣ Кралевиць, и въ одной изъ нихъ корчмарка Ангелина спасаетъ своего побратима Марка Кралевица отъ врага

(1) Т. е. чтобъ монахи и духовныя лица не ходили въ корчмы для ѣды и питья.

(2) Въ холодной, прохладной корчмѣ.

его, Гина Арнаутина; въ другой пѣснѣ, она отправляется въ Софію, и сватается за Марка дочь болгарскаго царя Шишмана (Поповъ, Пут. въ Черног. 49, 58). Теперешняя болгарская корчма обыкновенно состоитъ изъ одной комнаты; посреди ея *огнище*, гдѣ пылаетъ огонь; въ крышѣ сдѣлано отверстіе для дыма; вокругъ огнища стоятъ столики и стулики, на которыхъ сидятъ гости, — старики, собирающіеся для бесѣдъ, пѣвцы, которые рассказываютъ о старинѣ, нищѣ, и постоянные члены корчмы — портной, обшивающій всю окрестность и знающій всѣ новости, попъ, какъ одинъ изъ главныхъ членовъ сельской общины, и дьячки. Въ углу корчмы придѣлана лавочка, гдѣ продаютъ веревки, орѣхи, фасоль, пшено, и тутъ же стоятъ бочки вина и ракии (водки). Къ бочкѣ придѣлана втулка (канелка), заткнутая *чепомъ*; изъ бочки вино наливаютъ въ жестяную кружку (ока), или въ глиняный кувшинъ (пукаль), откуда оно разливается въ *чаши*. Древне-славянскіе напитки квасъ, пиво и медъ совершенно исчезли у Болгаръ, смѣнившись винограднымъ виномъ, доступнымъ на югъ всякому человѣку, и водкой, употребляемой только людьми богатыми. У Шоповъ, гдѣ больше сохранилось остатковъ старины, существуютъ еще истыя славянскія корчмы съ дѣвушками-корчмарками. Корчмы западныхъ Славянъ являются уже центрами общественнаго, финансоваго и юридическаго управленія (Preusker, Blicke in die vaterländische Vorzeit. I, 121 и др.). Сначала они, какъ и вездѣ, были вольными учрежденіями, куда народъ спокойно собирался по торговымъ днямъ; потомъ дѣлались княжескими, казенными, или, вмѣстѣ съ землею, переходили въ наследственную собственность арендаторовъ (шульцовъ), получавшихъ право заводить *libera taberna* (Вал. Сбор.

I, 31), или къ духовенству, къ епископамъ и монастырямъ, и тогда народъ сталъ заводить себѣ *тайныя корчмы*, *taberna occulta*, извѣстныя съ XII в. (Погод. Ист. Сбор. IV, 222). Въ виландольскомъ законѣ Хорватовъ, по рукописи XIII в., упоминаются уже нѣмецкіе *товерна* и *товернар*, но на поляхъ рукописи, для означенія корчмы, изображенъ столъ, а на немъ ведро, кружка и жмуль. (Чтен. 1846, IV, 27, 41). Въ Помераніи корчма, находившаяся въ зависимости отъ жупана, стояла непременно на каждомъ рынкѣ, въ каждой жупѣ, и была центромъ финансоваго управленія округа. Въ Колобрегѣ, при двухъ жупанахъ, было и двѣ корчмы (Гильф. О балт. Слав. LIX). Въ польскихъ городахъ, вездѣ на площади или рынкѣ, среди города, стояла корчма, также называемая таверной. Въ Богеміи и Польшѣ, начиная съ XI вѣка, извѣстны корчмы вольныя и казенныя. Въ иныхъ городахъ было отъ двухъ до четырехъ корчемъ: „in Bitom targowe duae tabernae; in Siewor novum targowe, una taberna; ad magnum sal quatuor tabernae (Szczygielski Tinecia, II, 138. Пог. Ист. Сбор. IV, 225). Свободные корчмари подлежали вѣдомству и дворовому суду (*curia*) того господина, на землѣ котораго находилась корчма. Въ юго-западной Руси доселѣ еще удержалась древне-славянская корчма, и въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи встрѣчаются остатки старинныхъ *огромныхъ корчемъ*, превращенныхъ теперь въ заѣздные дома, и составляющихъ какъ бы кварталы мѣстечка (Шпилев. Бѣлор. 160). И если въ воронежской губ. народъ по праздникамъ собирается уже около *кабаковъ* (Этн. Сб. I. 226), то въ виленской губ., еще по прежнему, всѣ общественныя дѣла рѣшаются въ *корчмѣ* (*ibid.* 290), и во всей Бѣлоруссіи и Украинѣ, не смотря

на всѣ усилія обратитъ корчму въ шинокъ или кабакъ, она доселѣ еще служитъ обычнымъ мѣстомъ собраній для дѣлъ, бесѣдъ и гульбы. Въ Бѣлоруссіи бабку послѣ крестинъ ведутъ въ корчму; свадьба, отправляясь въ церковь, завѣзжаетъ въ корчму. Дворъ корчмы или стодола (сарай при корчмѣ) служитъ мѣстомъ собранія парней и дѣвчатъ, которые собираются сюда плясать подъ музыку (Этн. Сб. II, 241: Вѣстн. Евр. 1828, 5—8, 77). „Що Божої неділі, чи праздника, після обіду, хлопці та дівчата схожуться до корчми оттанцювать, а хозяїни и жінкі збираються до їхъ подивитись та побалакать де о чімъ, а підъ часъ и чарку горілки випить. Отъ зібралось біля корчми людей вже чи мало, музики грають, парубокъ съ дівкою танцює, а старійши люльки запаливши, посідали собі на приспі та й балакають“ (Основа, Янв. 1862). „Да не всіжъ и пьяници“, разказываетъ другой. „Одні приходять сюда побачитись зъ добримъ людьми, да побалакать, а другі — такъ, якъ оце й я — щобъ послухать разумнихъ людей и почуть щбъ робитця у світі“ (Основа, Іюль, 1861). Въ праздникъ, когда нѣтъ дѣла, *чоловік* съ утра уже идетъ въ корчму, и говоритъ женѣ: „нада схадзиць на часокъ въ карчму“, и идетъ, вполне увѣренный, что останется тамъ до обѣда, или до вечера. Жена обыкновенно отвѣчаетъ: „пайдзешъ на часокъ, а прасядзишь да начи; виць въ карчмы смаляныи лавки: какъ сядзишь, такъ и паралипнешъ“ (Этн. Сб. II, 242). Итакъ корчма южной Руси представляется намъ кореннымъ народнымъ учрежденіемъ, изъ котораго, при движеніи народной жизни, могло бѣ вырости то, чтб у насъ именуется *клубами* и *собраніями*, но только въ болѣе приличномъ видѣ. Тогда какъ изъ нашего собранія пожалуй выведутъ чело-вѣка, къ нему не принадлежащаго, —

изъ свободной народной корчмы не выведутъ никого, и тогда какъ у насъ женщина стыдится войти въ кабакъ или въ трактиръ, а членами клуба одни мужчины, въ корчму входятъ всѣ, и мужчины, и дѣвушки. Здѣсь-то, въ корчмѣ, гуляла и прекрасная, благородная Бондарувна, жертва польскихъ насилій, и одинъ изъ лучшихъ женскихъ образовъ украинской поэзіи:

Ой у Луцку, въ славнімъ місти, ка-
пелія грає,
Молодая Бондарувна у корчмі гу-
ляє.

Но совсѣмъ уже не то мѣстами, гдѣ *корчма* успѣла обратиться въ *кабакъ*, или *шинокъ*, куда теперь и *дѣвчата частують* (Основа 1861. X, XVI, 85, 60, 61, и XIX, 130), но уже къ позору нашей современности, столь неприлично гордой своими успѣхами... Дѣвчата, ночныя собранія которыхъ разгоняють *для порядка*, собираются въ корчмы пить....

Моя дочка ледащица — не ночує дома,
Моя дочка ледащица — не хоче робити,
Да якъ прийде неділенька — иде въ
корчму пити.

Такъ какъ въ корчмѣ продавались питья, то отсюда и самое продажное питье получило названіе *корчмы* (кръчма), съ какимъ оно постоянно встрѣчается въ памятникахъ древней Руси (Mikl Lex. fasc. II, 318). У Сербовъ: *продаје на крчму* — значитъ *продать по мелочи*. Слово *кръчмыница* встрѣчается въ древнѣйшемъ переводѣ пророч. Исаїи (Горск. и Невостр. I, 88). Въ древне-болгарскомъ языкѣ *кръчмыница* — *taberna*, *кръчмыникъ*, вмѣсто *кръчмыникъ* — *Κατῦλος*. И съ тѣхъ поръ, вслѣдъ за древне-болгарскимъ языкомъ, во всѣхъ древнерусскихъ сочиненіяхъ, *кабаки* и *питьейные дома* всегда назы-

Русскій Архивъ 40.

ваются *корчемницами*, и какъ будто облагораживаются этимъ въ сознаниі духовнаго писателя. «Приключися, говоритъ одна легенда, яко *пльции чловьчъ честнии по мѣрскому въ корчемницъ пѣху*, и глаголюще съ собою о разныхъ вещехъ.» (Пам. Стар. Русс. Лит. I, 141.). Корчму знаетъ Русская Правда, составленная около XII вѣка, можетъ быть въ Новгородѣ, и, подобно Сербамъ, употребляетъ слово „корчмствовать“ въ значеніи мелкой, розничной продажи. На сѣверовостокѣ Руси, гдѣ общественная жизнь развита была гораздо слабѣе, чѣмъ на югѣ, корчмы не имѣли никакого значенія. Суздаль, Владиміръ, Москва совершенно не знаютъ корчемъ; напротивъ того, въ Кіевѣ, удивлявшемъ въ XI вѣкѣ своимъ народонаселеніемъ, своими осьмью рынками и несмѣтнымъ множествомъ товаровъ, въ неменѣе богатомъ Новгородѣ, въ Псковѣ и Смоленскѣ, корчмы составляли важное городское учрежденіе. Въ уставной грамотѣ смоленскаго князя Мстислава 1150 года упоминаются „мыти и корчмити“, какъ подать съ прѣвзжихъ торговцевъ (Доп. къ А. И. I, 4). Въ Новгородѣ и Псковѣ корчмы—собственность городскихъ общинъ. Князь, на основаніи договора, по которому онъ принятъ, не имѣетъ въ корчмахъ никакой воли: „а свободѣ ти ни мытъ на новгородской волости не ставити.“ По псковской грамотѣ, которую относятъ въ 1397 году, запрещалось *князисимъ людемъ*: корчмы по дворамъ не держать ни на Псковѣ, ни на пригородѣ, ни ведра, ни корецъ, ни бочкою меда не продавати (Кар. V. пр. 404). Это право города не уступали даже сосѣдямъ. Въ 1474 году князь-местеръ Ризскій прислалъ посла къ великаго князя воеводѣ, князю Данилу Дмитріевичу, и къ князю Псковскому Ярославу Васильевичу, и ко всему Пскову,

и говорилъ: „азъ князь великой Иллиашской и Ризской повѣствую, чтобы ми есте миръ дали; и азъ князь-местеръ съ воды и съ земли ступаюся дому святыхъ Троица, и всего Пскова, моихъ сусѣдъ, да и за то маюся, что ми къ вамъ въ Псковъ изъ своей волости корчмы пива и меду не пущати, а колода отложить по всей моей державѣ, а на томъ пишу грамоту и за вси города, а опроче пискупа юрьевского и всѣхъ Юрьевцовъ“. Узнавъ объ этомъ, юрьевскіе послы также дали обязательство: „имъ въ Псковѣ корчмы не возити, ни торговати, ни колодѣ (заставы) у костра не держати“ (П. С. Лѣт. IV. 248—9). Вольные корчемники платили подати. Въ 1417 году псковскіе посадники наймитовъ наняша, и поставиша костеръ на Кромѣ отъ Псковы, а поимаша то серебро „на *корчмитехъ*.“ (Кар. V, пр. 254). Не то было, не то начиналось въ городахъ, которыми владѣли князья. Облагая пошлинами напитки, заводя свои княжескія корчмы, и преслѣдуя, чисто изъ корыстныхъ выгодъ, вольное корчемство, князья вызывали этимъ появленіе *тайныхъ корчемъ* и пьянство. Званіе корчемника, честное въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ самобытнаго, свободнаго народнаго движенія впередъ, унижалось, дѣлалось преступнымъ. Въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV вѣка, листъ 92, въ исчисленіи занятій, за которыя отлучаютъ отъ Церкви, рядомъ съ чародѣями и наузотворцами, упоминается и „корчемникъ“. (корчмитъ). Точно также и корчемника, поставленнаго отъ князя, стали считать наряду съ разбойникомъ и мытаремъ. Такъ мы понимаемъ слѣдующее мѣсто Никоновской Лѣтописи. Здѣсь, подъ 1329 годомъ сказано про Михаила Александровича Тверскаго: «во дни убо княженія его разбойницы и тати и ябедники исчезоша, и мытари и *корчемни-*

ки и торговья злая тамги истребишась» (Ник. Лѣт, изд. 1786, IV, 287). Кирилль, игумень бѣлозерскаго монастыря, около 1408—1413 г. писалъ можайскому князю Андрею Дмитріевичу: „и ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей отчинѣ не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ; крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ“ (А. И. I, 16). Великій князь Василій Ивановичъ запретилъ Смольникамъ ставить корчмы, а сынъ его, Иванъ Грозный, вдругъ ставитъ въ Новгородѣ восемь царскихъ корчемныхъ дворовъ. 1543 года, ноября въ 21 день, на Введенъевъ день, прислалъ князь великій Иванъ Васильевичъ въ Великій Новгородъ Ивана Дмитріевича Криваго, и онъ устроилъ въ Новгородѣ 8 корчемныхъ дворовъ (П. С. Лѣт. III, 200). Въ Новгородѣ поэтому заводится страшное, по тому времени, пьянство, и новгородскій владыка, Θεодосій, плачется за несчастный народъ: „Бога ради, государь, пишетъ онъ московскому царю, потщися и помысли о своей отчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что ся нынѣ въ ней чинитъ. Въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ безъ покаянія и причастія“ (Вивл. XIV, 238; Д. къ А. И. I, 41). И, можетъ быть, въ слѣдствіе этихъ жалобъ, 27 января 1547 года, уничтожены были въ Новгородѣ всѣ княжескія корчмы: „пожаловалъ царь и государь великій князь Иванъ Васильевичъ, въ своей отчинѣ, въ Великомъ Новгородѣ, отставилъ корчмы и питье кабацкое³⁾: давали по концамъ и по улицамъ старостамъ, на 30 челоуѣкъ, двѣ бочки пива, да шесть ведеръ меду, да вина горькаго полтора ведра на разрубъ“ (П. С. Л. III, 153). Въ Новгородской второй лѣтописи до-

бавлено: „въ лѣто 7056 (1548) генваря въ 10 день, князь Иванъ Васильевичъ отставилъ въ Новгородѣ корчмы, и дворы развозили.“ (т. же 201.). Должно думать, что корчмы встрѣчались иногда и по другимъ городамъ московскаго царства. и питейныя дома Москвы, о которыхъ упоминаютъ иностранцы, также, можетъ быть, носили названье корчемъ. Въ 1548 году, по жалованной грамотѣ царя, городъ Шуя былъ отданъ въ кормленье боярину Голохвастову *съ правдою, съ нятиомъ, и съ корчмою*. Въ выписи 1552, данной по приказу Ивана Грознаго Андрею Берсеневу и Хованскому, велѣно было имъ беречи крѣпко во всей Москвѣ, чтобъ священническій и иноческій чины въ корчмы не входили, въ пьянствѣ не упивалися, не празднословили и не лаяли (А. И. I, 54). Въ корчмахъ и по домамъ, народъ пилъ свои изстаринныя, ячныя и медвяныя питья: *брагу* (скр. *brg*, *brgaj*, нѣм. *brauen*, *brût* — варительница пива, невѣста, фр. *brasseur*), *медъ* (скр. *madh*, *manth* — сбивать мутовкой, *madhu* — медвяный напитокъ, сканд. *mjodhr*), *пиво*, *эль* (олуи, оловина), *квасъ* — напитокъ, чисто славянской, который сосѣди Скапдиनावы олицетворили въ образѣ вѣщаго *Квасура*; и, наконецъ, съ конца XIV вѣка, *водка*. Такъ, изъ сѣдой, незапамятной старины, когда Славяне выходили изъ своей прародины на Гималаѣ, они несли съ собой напитки, и пили ихъ въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, вырабатывая свою культуру. Жизнь шла такимъ образомъ до половины XVI в. Воротившись изъ казанскаго похода, Иванъ Грозный запрещаетъ жителямъ Москвы пить водку, — позволяетъ это однимъ лишь опричникамъ, и для ихъ попойекъ строить на *Балчугѣ*⁽⁴⁾ (татар.: грязь, топь) осо-

³⁾ Лѣтописецъ выражается языкомъ своего времени: въ 1547 кабаковъ еще не знали.

⁽⁴⁾ Балчугомъ и теперь въ Москвѣ называется мѣсто между москворѣцкимъ и цѣннымъ мостами.

бий домъ, и называетъ его *кабакомъ*. Кабакъ также слово татарское (Линде, Мат. для срав. русс. слов. Варш. 1845; Вивл. V, 7, 141, 143; Татищ. Лекс. Истор.; Русс. Достоп. ч. II, 9; сравни: Гриммовъ Deutsches Wörterbuch, V. 6). Единственный на всей Руси *царевъ кабака*, существовавший въ Москвѣ въ половинѣ XVI в., распространяется скоро по всему московскому царству; кромѣ *кабаковъ*, для вина, пива и меду, заводятся *квасные кабаки*, и корчемникъ, доселѣ вольный промышленникъ, человекъ всѣми уважаемый, получаетъ значеніе контрабандиста; и положительно весь Русскій народъ обвиненъ въ *корчемствѣ*. Каждый торговый день бирючи выходятъ на площадь и кличутъ, чтобъ крестьяне вина не курили, пива не варили, медовъ не ставили, а народъ, по *замерзшему своему противству*, заводитъ *тайныя корчмы*, *воровскія пристани*, и по всей Русской землѣ начинается преслѣдованье *корчемниковъ*, продолжавшееся безустанно въ теченіи 300 лѣтъ. Псковитянамъ, простымъ людямъ, *кабакъ* казался невыносимымъ зломъ: Ордынъ-Нащокинъ ввелъ во Псковѣ вмѣсто *кабаковъ вольныя корчмы*, и изъ Пскова писали: „что были кабацкія избы, гдѣ всякое безчиніе и смрадъ были, а нынѣ въ тѣхъ избахъ всякаго благолѣпія исполнено“. То была послѣдняя вольная корчма на велико-русской землѣ! Одно уже слово *кабакъ* было ненавистно народу, и, употребляя его въ разговорѣ въ теченіи 300 лѣтъ, онъ однако никогда не рѣшался изобразить его буквами на

вывѣскѣ. Поэтому въ 1651 году *царевы кабаки* велѣно было называть *кружечными дворами*, и хотя народъ сократилъ это длинное названье въ болѣе сподручное — *кружало*, но *кружало* по прежнему оставалось кабакомъ. Въ 1765 году еще разъ увидали, что *отъ злоупотребленій... (?) названіе кабака сдѣлалось подло и безчестно*, и его переименовали въ *питейный домъ*. Между тѣмъ, къ началу XIX вѣка кабаки распространяются по селамъ и деревнямъ, и распространеніе это неудержимо тянется вплоть до нашего времени. Въ 1852 году — въ Россіи 77838 кабаковъ; въ 1859 — 87388. „*Питейные дома — это притоны безчинства и разврата*“, говорится въ Трудахъ Комисіи новаго Акцизнаго Уложенія, и вслѣдъ затѣмъ громадное число кабаковъ, существовавшее въ послѣднее время откуповъ, увеличившись въ *шесть разъ*, переходитъ теперъ за *полмилліона... На кабакъ одна лишь сивуха, иначе — сиротскія слезы.....*

Opfer fallen hier,
Weder Lamm, noch Stier:
Aber Menschenopfer unerhört...

Повторимъ, чѣмъ начали, что исторія корчмы — это исторія всего, чего хотите, даже отатаренія, только не развитія русской жизни изъ свойственныхъ ей, родныхъ ей, русскихъ началъ.

И. Прижова.